

RU

Типология авторов народных военных мемуаров (на материале текстов естественной письменной речи)

Лебедева А. С., Салтымакова О. А.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики языковых личностей авторов народных военных мемуаров. В статье определяется терминологический аппарат исследования (рассматриваются понятия «естественная письменная речь», «языковая личность», «текст»), анализируются оригинальные мемуарные рукописные (естественные) тексты рядовых носителей языка, прошедших войну. Научная новизна работы заключается в том, что разработан алгоритм анализа текстов военных мемуаров, которые, в свою очередь, являются новым материалом исследования, представляющим собой естественную письменную речь. В результате выявлено пять оппозиций текстовых характеристик, на основе которых произведен анализ языковых особенностей письменных воспоминаний двух участников Великой Отечественной войны; описано два типа авторов народных военных мемуаров, каждому из которых присвоена особая номинация.

EN

Typology of Authors of Folk Military Memoirs (by the Material of Texts of Natural Written Speech)

Lebedeva A. S., Saltymakova O. A.

Abstract. The aim of the study is to identify the specifics of the linguistic personalities of the authors of folk military memoirs. The article defines the terminological apparatus of the study (considers the notions “natural written speech”, “linguistic personality”, “text”), analyses the original memoir handwritten (natural) texts of ordinary native speakers who participated in the war. The scientific novelty of the work lies in the fact that an algorithm has been developed for analysing the texts of military memoirs, which, in turn, are new research material that has a form of a natural written language. As a result, five oppositions of textual characteristics were identified, on the basis of which an analysis of the linguistic features of the written memoirs of two participants of the Great Patriotic War was conducted; two types of authors of folk military memoirs were described, each of the authors was assigned a special nomination.

Введение

Актуальность исследования продиктована включенностью его проблематики в такие современные направления лингвистики, как теория естественной (повседневной) письменной речи и лингвоперсонология. В рамках данных направлений науки ученые-лингвисты изучают повседневную речь рядовых носителей языка, выявляют специфику отражения обыденного мышления человека в созданных им текстах. Причем все больший интерес исследователей (например, Н. Б. Лебедевой, Н. И. Тюкаевой, Т. П. Сухотериной, Н. Ю. Плаксиной, Е. Г. Зыряновой, А. С. Юркевич, Т. В. Алтуховой и других) вызывает именно непрофессиональная речь, естественная в своем порождении, поскольку она является особым видом мыслительно-речевой деятельности, оставаясь при этом малоизученной и менее привлекательной для лингвистов, так как зачастую воспринимается лишь как фиксация устной речи на письме. В связи с этим существует потребность в изучении естественной письменной речи и выявлении специфики данного феномена. Не менее важным является обращение к такому материалу исследования, как мемуары ветеранов Великой Отечественной войны, поскольку авторы воспоминаний, будучи непосредственными участниками тех событий, не только фиксировали факты военной жизни, но и пытались осмыслить происходящее, что, безусловно, нашло отражение в их воспоминаниях, а следовательно, имеет большое значение для понимания мировоззрения людей военного времени и воспитания современных поколений.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, проанализировать терминологию и актуализировать важные в нашем исследовании понятия; во-вторых, выделить текстовые характеристики

мемуаров и представить их в виде оппозиций; в-третьих, провести анализ мемуарных текстов с точки зрения языковых особенностей; в-четвертых, охарактеризовать типы языковых личностей авторов военных мемуаров с учетом разработанных оппозиций и обнаруженных языковых черт.

В процессе исследования использовался метод логического сопоставления при определении базовых теоретических понятий; эмпирические методы – сравнения, описания и интерпретации языковых фактов, – а также метод статистического анализа при выявлении специфики каждой языковой личности и разработке типологии авторов мемуаров.

Теоретической базой исследования послужили труды В. В. Виноградова (1995), Г. И. Богина (1980; 1986а), Ю. Н. Караулова (1987; 1989), Е. В. Иванцовой (2010), которые посвящены изучению понятия «языковая личность»; работы Л. В. Щербы (1974) – для определения понятия «текст». Кроме того, в основу описания текстов мемуаров положена теория естественной письменной речи (далее – ЕПР), предложенная Н. Б. Лебедевой (2008; Лебедева, Зырянова, Плаксина и др., 2011).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования в преподавании курсов «Лингвоперсоналогия», «Основы лингводидактики», спецсеминара «Актуальные проблемы современной лингвистики»; в дальнейшей разработке методики анализа языковых личностей, отраженных в текстах ЕПР, и изучении жанров ЕПР.

Основная часть

Речевая деятельность в теории ЕПР имеет следующие важные «признаки: письменную форму речи, спонтанность, непрофессиональность исполнения, неофициальность бытования, отсутствие участия промежуточных лиц и/или инстанций между автором и адресатом» (Лебедева, 2008, с. 115).

Анализируя тексты ЕПР, мы опираемся на «принцип гносеологической толерантности», который был предложен Н. Б. Лебедевой (Лебедева, Зырянова, Плаксина и др., 2011, с. 18). Суть данного принципа состоит в том, что тексты рассматриваются как «самоценные феномены», то есть не допускается их оценивание с нормативных и/или литературно-центрических позиций. Вследствие этого в исследовании и в описании материала сохраняются орфографические, пунктуационные и стилистические особенности при цитировании фрагментов текста.

В текстах ЕПР мы выявляем ценностные смыслы в рамках аксиологического аспекта лингвистики, а также учитываем их онтологическую природу, поскольку тексты созданы рядовыми носителями языка, чья письменная речевая деятельность естественна, так как не подвергается какому-либо оцениванию или вмешательству: с исследуемыми текстами не работали корректоры, редакторы, рецензенты и другие специалисты.

Объектом исследования выступают тексты авторов народных мемуаров, предметом исследования являются типы языковой личности авторов военных воспоминаний. Материалом исследования послужили тексты мемуарных записок двух авторов (Н. В. Иванова и Ф. Г. Дмитриева). Тексты каждого автора написаны в трех тетрадях в клетку (объем одной тетради – 96 листов). Мемуары Н. В. Иванова хранятся в его Личном архиве. Материалы воспоминаний Ф. Г. Дмитриева также хранятся в его Личном архиве, кроме того, ранее они уже изучались (Сухотерина, Лебедева, Воронова и др., 2012). Материал не был подвергнут цензурной и редакторской правке, следовательно, он отвечает признакам естественной письменной речи.

Остановимся на определении важных для нашего исследования понятий – «языковая личность» и «текст».

В конце 80-х годов XX в. в лингвистике формируется антропоцентрическая парадигма, важное представление которой заключается в том, что человек является главной категорией бытия во всех его проявлениях. Ученые-лингвисты исследуют человеческую личность как первопричину всего, что появляется и проявляется в языке и речи, в связи с чем формируется феномен «человек в языке».

Антропоцентрический подход в лингвистике не только позволяет отдать человеку ведущую роль в порождении речи и использовании языка, но и способствует обнаружению новых функций у языковых средств, отражающих человеческий фактор в тексте. В итоге на стыке разных наук: лингвистики, культурологии, социологии и философии – выкристаллизовывается новый объект исследования – «языковая личность».

В отечественных филологических исследованиях данное понятие впервые было сформулировано в работах В. В. Виноградова, при этом еще в XVIII-XIX вв. немецкие мыслители и ученые В. фон Гумбольдт и И. Г. Гердер уже задумались об индивидуальном характере владения языком; их понимание роли человека в речепорождении было углублено в трудах немецких и русских лингвистов Л. Вайсгербера, К. Фосслера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, а затем – в исследованиях Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Е. В. Иванцовой и многих других.

Стоит отметить, что осмысление «языковой личности» как феномена происходит в 80-е гг. XX в., тем не менее и в настоящее время он не имеет однозначной трактовки, поскольку исследователи отмечают «синтезирующий характер» термина, его широкую употребительность (Иванцова, 2010, с. 24). Терминологическая полисемия может быть вызвана, на наш взгляд, в том числе и неоднозначным пониманием феномена «язык», а также разноаспектностью анализа языковой личности.

В. В. Виноградовым (1995, с. 28) языковая личность рассматривается в литературно-художественном повествовании, ученый исследует идиостили разных авторов, речевые характеристики автора и персонажа как типы личности. Немногом позже А. Н. Леонтьев (1999, с. 113), будучи представителем психолингвистики, анализирует сформированность языковых компетенций у «человека говорящего» и их проявление в разных видах речевой деятельности.

По мнению В. П. Нерознака (1996), языковая личность – это в первую очередь человек как носитель языка, способный к речевой деятельности, иначе говоря, некий индивид в совокупности его психофизических свойств, которые позволяют ему производить и воспринимать речь, то есть, по сути, ученый понимает рассматриваемый феномен как речевую личность.

Близкой к пониманию языковой личности В. П. Нерознаком является позиция Г. И. Богина (1986а). Исследователь сформулировал принципы «модели личности», ведущим подходом в которой можно считать речедетельностный, так как любой индивид прежде всего интерпретируется с точки зрения «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (с. 35). Вместе с тем языковая личность трактуется как «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, – личность коммуникативная» (Богин, 1980, с. 3). Кроме того, по мнению лингвиста, под «языковой личностью» может пониматься «национально-культурный прототип» носителя того или иного языка. Этот прототип выражен главным образом на уровне лексики и представляет собой «семантический фоторобот», формируемый на основе менталитета и идейных установок, «ценностных приоритетов и поведенческих реакций», отраженных в лексиконе – «личность словарная, этносемантическая» (Богин, 1986б, с. 3).

Широкое распространение в лингвистике термин «языковая личность» получил благодаря исследованиям Ю. Н. Караулова (1987), который трактует данное понятие как личность, «выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» (с. 38). Это, с точки зрения исследователя, личность, обладающая способностью создавать и воспринимать тексты разной «степени структурно-языковой сложности; глубины и точности отражения действительности; определенной целевой направленности. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых текстов» (Караулов, 1989, с. 3).

По мнению С. Г. Воркачева (2001), понятие «языковая личность» «образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность» (с. 70).

Томский лингвист Е. В. Иванцова (2010) уточняет понятие «языковая личность», введенное ранее учеными, и рассматривает языковую личность «как личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженных в созданных ею текстах» (с. 25).

Нам близка трактовка языковой личности, данная Ю. Н. Карауловым, с уточнениями, предложенными Е. В. Иванцовой.

Понятие «текст» объединяет множество конкретных текстов, создаваемых человеком. Поскольку текст рассматривается в лингвистике в разных аспектах, это еще одно понятие, которое не имеет общепринятой единой дефиниции, что вызывает некоторую сложность при его анализе.

В наиболее общем плане лингвисты рассматривают текст в широком и узком понимании. В узком смысле текст – это, по мнению И. Р. Гальперина (1981), «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» (с. 3). В числе основных признаков текста в таком случае называются связность, цельность, завершенность и др.

В своем исследовании придерживаемся широкого понятия текста как «совокупности всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы» (Щерба, 1974, с. 113). В такой трактовке текст – это любое устное или письменное речевое произведение, которое не зависит от объема.

Одной из важнейших задач современного состояния лингвоперсонологии является портретирование конкретных языковых личностей и создание их типологий на основе различных признаков.

В данной работе для описания языковых личностей авторов мемуарного текста прежде всего выделяем сущностные характеристики текстов, на оппозициях которых проводится последующий анализ. Данные оппозиции, на наш взгляд, являются проявлением авторского идиостиля, а следовательно, могут быть основой для выделения типов языковых личностей.

Остановимся подробнее на описании каждой оппозиции.

Конкретное/обобщенное является оппозицией в описании текста с точки зрения представления фактов и умозаключений. Под **конкретным** типом понимаем текст, который содержит наблюдение и в котором констатируются факты, явления, события. В таком типе текста прослеживаются отсылки к конкретным датам, цифрам, названиям и т.д., то есть ему свойственна точность в описании фактов действительности. В свою очередь, **обобщенный** тип текста зачастую отражает только основную часть информации, мысль о том, что событие имело место; в таком случае автор отходит от конкретики, а целью становится описание события или информации в целом.

Под оппозицией **официальное/частное** мы понимаем такую подачу материала авторами мемуарных записок, при которой информация представляется или через призму официальных, общепризнанных точек зрения (газет, слов политруков или командиров как источников официальных сведений; в таком случае отсылка к официальным источникам может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно, то есть контекстуально обусловлена), или же с опорой на собственное восприятие, личные наблюдения и оценки, которые выражают частную точку зрения.

Следующую оппозицию представляют такие особенности текста, как **субъективное** и **объективное**, в основе которых заложен антропоцентрический подход. В **субъективном** типе текста автор в центр воспоминаний ставит человека на войне. В таком тексте рассказываются истории, где главным героем является человек, его поступки и мнения, то есть автор говорит о себе и других людях. Он в основном описывает свою жизнь, а военные действия являются лишь фоном, поэтому наблюдается преобладание личных историй, а на уровне языка частотны «я-высказывания». В **объективном** же типе текста акцент повествования смещается с человека на военные действия, в центре осмысления оказывается преимущественно война. Автору важно передать те события войны, которые коснулись каждого человека. Из этого следует, что антропоцентрическое начало, конечно, присутствует в этом типе текста, однако вербализируется не столько «я» самого автора, сколько коллективное «мы» солдат, участников военных событий.

Оппозиция **описательное** и **оценочное**. Выделение данной оппозиции обусловлено способом отражения мыслей в тексте, приемами передачи информации. **Описательный** тип – это тип текста, в котором автор фиксирует средствами естественного языка сведения об объектах путем описательных приемов. В таком тексте автор использует большое количество существительных, называющих предмет речи, и прилагательных, всесторонне характеризующих данный предмет, пытается передать свое мироощущение через описание действий, людей, обстановки. **Оценочный** тип – это такой тип текста, в котором автор стремится дать оценку происходящим событиям и ситуациям, на лексическом уровне использует приемы, позволяющие охарактеризовать что-либо, употребляет оценочную лексику, выражающую аксиологическую модальность текста.

С оппозицией оценочное/описательное коррелируют такие характеристики текста, как **эмоциональное** и **нейтральное**. Свойство **эмоциональное** соотносится с оценочным типом, так как оценка предполагает использование эмоционально-экспрессивной лексики как способа выразить автором свои чувства и отношение к предмету. Характеристика **нейтральное** же соотносится с описательным типом. Нейтральный тип текста – это такой тип, в котором автор не ставит перед собой задачу оценить происходящее событие, а лишь констатирует некую информацию. Он не использует (или минимально использует) эмоционально-окрашенную лексику, чтобы описать какое-либо место, событие, личность.

Перейдем к анализу языковых особенностей, представленных в текстах каждого автора, опираясь на сформулированные оппозиции.

У Н. В. Иванова война описана конкретно, автор стремится к фактологической точности, уделяет большое внимание цифрам, схемам, датам, что на вербальном уровне выражается в использовании количественных и порядковых числительных, а также существительных «тысяча», «миллион», «штуки», например: «Германия 1,700 – милл. человек, танков 1,700 – тысяч штук. Советский союз имел 1.250 мил. Человек, танков 774 штук... <...> План “Тайфун” Это группа Н.Ф. Армия “Центр” 22-я, 4-я и 9-я Армия. 2-я, 3-я, 4-я Танковые группы...»; «...было расщеплено до 600-тыс. Финских солдат и офицеров. Около 900-орудий, 60-танков. До 270-Боевых самолетов...».

Анализ оппозиции официальное/частное показывает, что в тексте над личной жизнью людей, их чувствами, переживаниями, мыслями преобладает официальный контекст и «голые» факты о войне. Николай Васильевич делает отсылку к цифрам, к точному количеству оружия, транспорта или войск, людей, дивизий и т.д. Контекст позволяет предположить, что эти факты взяты из официальных источников, однако определенно не сказано, из каких ресурсов автором получена данная информация, на них нет прямого указания в тексте: «...из Сибири прибыло 52 дивизии, 5 бригад из Кузбасса, отправила на фронт войны 332 тысячи солдат и офицеров; домой 1/3. Это примерно 110.74 человек; так город Кемерово давал 46,5%. Новокузнецк 32,1% Военной продукции; участвовали большое к-во различной техники. Здесь было уничтожено более 330 тысяч Н.Ф. войск. Противник потерял всего 800.000 солдат и офицеров. 2000 танков. В плен было взято 144000 человек». Также наблюдаются отсылки к конкретным сообщениям политруков, командиров и приказам: «Сталин издал приказ №227 в июле. В приказе – Трусосте и дезертиство и отступление без распоряжения; нам зачитывают Приказ – учебный батальон 26-стрелковый полк Учебный полк, в учебный батальоны. Разведчики, шофера».

С точки зрения объективности/субъективности главным объектом воспоминаний Николая Васильевича Иванова становятся военные действия, в которых автор старается передать военную жизнь, коснувшуюся каждого, кто был призван на фронт. Для него, как советского человека, важна сплоченность и командный дух. Именно поэтому в воспоминаниях Н. В. Иванова на первый план выходит «мы». В текстах субъективное начало, безусловно, выражено, хотя и слабо, оно эксплицируется отдельными «я»-высказываниями: употребляется местоимение я (56 словоупотреблений): *где я так-же был участником, я в апреле – 1942 года был на ЖД, я его получил, куда я попал, я не знал, я был на учебе, я попал, я ездил, я сражался за нашу Великую родину, я увидел противника, я обрушил огонь, я своим расчетом подовил, я был представлен Правительственной Наградой; меня (21): пришлось меня снова командировать, меня отправили; мне (28): мне шел 18 лет, мне пришлось после войны, пишет мне письмо, мне было присвоено звание сержанта; глагольные формы: уничтожил, пошел, получил, учился, проучился, считаю.*

Однако в целом его эгоцентрическое начало уходит на «задний план», что проявляется в употреблении местоимения мы (315): *мы плохо знали, мы только по окнам смотрим, мы приехали, мы заходим, мы снова в лес, мы шли; нас (193): нас в деревне было взято, нас разбили, но у нас только сухори; нам (264): нам говорят, нам объявили, нам говорят ни куда не выходим, нам на встречу идут поезда, нам говорят; а также глаголов в форме множественного числа: шли, ехали, отдохнули, вышли, едем.*

Он не выделяет себя как отдельный субъект действия, ощущает сопричастность со страной и другими людьми в общем контексте военных событий. Можем сделать вывод, что у автора невысокая степень

эгоцентричности: не столько «я», сколько «мы», это речь человека, для которого характерно не личное, а коллективистское, соборное мышление.

В воспоминаниях Николая Васильевича его мироощущение передается через подробности изображения окружающей среды, изображения действительности, обстановки, в чем проявляется описательный тип текста. Для него типичны фразы с преобладанием существительных и прилагательных: *матрасы набитые мягким сеном. Лесной травой; они с холодной водой; отец не родной, работал техником химзавода; нашли санки и пахжи охотничьи*. Его повествование последовательно, не отклоняется от заданной линии – описания подробностей войны: «...когда выехали из города Свердловска, нам на встречу идут поезда, на открытых платформах стоят различные станки, нам говорят везут станки и оборудование. В Свердловске 5 вагонов новобранцев – подцепили к Москве на окраине города».

Данный автор нейтрально рассказывает о событиях военной жизни. Приведенные выше примеры подтверждают, что в текстах отсутствует эмоциональное и экспрессивное начало, так как нет ярко выраженной эмоционально-экспрессивной лексики.

Воспоминания Ф. Г. Дмитриева отличаются большой степенью обобщения событий, в связи с чем он не заостряет внимание на цифрах и датах: «Демидов в первый день боев получил легкое ранение в ногу и был отправлен в медсанбат. Подтянув новые силы, наши войска в первых числах марта штурмом овладели г. Ржев, а 8 марта был взят г. Сычевка и Гжидск и стали обходить с флангом Вязьму. Обе стороны несли огромные потери в людях и техники повсюду колыхали костры подбитых и подожженных танков, авиация немцев и наша штурмовали залежи пехоты». Автор апеллирует к цифрам в небольшом количестве фрагментов, причем в его текстах присутствует только общеизвестная информация о датах. Дмитриев в первую очередь описывает свою жизнь, переводит фокус с военных действий на себя и окружающих людей, а о военных событиях пишет лишь в общих чертах.

В отличие от воспоминаний Николая Васильевича, текст Федора Гавриловича отличается обилием частных историй. В его воспоминаниях отсутствуют ссылки на официальные источники, слова политруков. Он описывает те события, которые происходили с ним на войне, людей, жизненные ситуации и личные наблюдения: «Я разорвал рукав гимнастерки и рубашки. Рукавом рубашки перевязал рану пулеметчика, и мы снова побежали с пулеметом на второй пригорок по дороге, куда ушла машина. Поднявшись на второй бугор, мы также не увидели машины. М.Лейтенант струсил, бросил нас и уехал в штаб полка... <...> Командир полка Максименко Ал-др Панкратьевич с 1907 года рождения, украинец, член ВКП(б) с 1940 года, звании майора, был кадровым офицером, высоко-образованным артиллеристком, до войны окончивший высшие артиллерийские курсы. ~~утро~~ и мы с ним хорошо сошлись; нач. штаба полка был майор Портнов И.Т. Пом. нач. штаба полка ст. лейтенант Станишевский К.С. Зам. командира полка по материально-хозяйственному обеспечению старый служака в возрасте 45 лет интендант 2го ранга Митрохин». В мемуарах Дмитриева наблюдается постоянное смещение фокуса с общевоенных событий на личные истории. При описании военных событий диапазон его видения расширяется, он рассказывает об общезначимых событиях, а в следующем контексте фокус сужается до истории определенной личности, отдельной человеческой судьбы.

Ф. Г. Дмитриев описывает военные действия через призму личного восприятия, осознает себя в центре описания, подробно излагает свою биографию. Также для него большое значение имеет каждая личность – человек на войне и вне войны. При описании военных действий акцент ставится на самом авторе и окружающих людях, война показывается через их действия и чувства. В воспоминаниях автор использует преимущественно «я»-высказывания: употребляет местоимение я (238): *я раньше в армии не был, я приступил к своим обязанностям, я быстро освоился, я узнал дату, я сразу же дал Анне телеграмму, я почувствовал боль в животе, я в конце декабря выехал, я попросил себе, я был послан; мне (49): мне приходилось, объявлен мне строгий разговор, мне было присвоено, объявили мне приказ; меня (16): так меня согнутого, возложена на меня, постарше меня, меня вызвали, первое время для меня; глагольные формы: увидел, пошел, уехал, был, выехал, не имел.*

Обратим внимание, что автор также использует местоимение мы (90): *мы прекратили огонь, мы с этого дня; нас (78): нас примет, у нас не было, нас просто можно, бросил нас; нам (32): в двух комнатах нам, раненых к нам поступало мало.* Тем не менее, хотя автор описывает действия, используя местоимения мы, нас, нам, можно отметить преобладание местоимения я (303) над местоимением мы (200), а следовательно, – субъективного начала над объективным. Во всех описаниях, где употребляется местоимение мы со ссылкой на то, что действие происходило не только с самим автором, он описывает события, в которых являлся непосредственным участником. Его внимание быстро переключается с мы-повествования на я-повествование: «Нас просто можно было легко захватить, но они, видимо боялись пулемета и считали, что мы прикрываем отход. Я разорвал рукав гимнастерки и рубашки. Перевязал рану, и мы снова побежали».

В воспоминаниях Ф. Г. Дмитриева содержится большой оценочный и эмоциональный пласт лексики. Федор Гаврилович использует в своем повествовании экспрессивную и оценочную лексику (например, *трусават, властолюбив, относился с предвзятостью, изгнать, полыхали костры, трусость, был смелый, отсиживался в тылах, смел в решениях скромн в быту, М.Лейтенант струсил, пленные немцы, обмороженные и закутанные в дохмотья и барахло*); сравнения (*встретились, как старые друзья; в марте в Ашхабате как у нас на Алтае весной и осенью; на более высокую*); эпитеты (*фашистская Германия, вероломно нарушев, грозным оружием, солидное пополнение, ожесточенные бои, на драной Лонгаденки*); метафоры (*нависла угроза порабощения, стал выдыхаться, разбить врага, логово врага*), которые позволяют автору выразить свои чувства, дать оценку событиям, другим людям, их поступкам.

Представленные оппозиции текстовых характеристик, как уже отмечалось, являются следствием специфики авторского идиостиля, что позволяет выделить разные типы языковых личностей авторов и дать

наименование. Анализ материала показывает, что в исследованных текстах представлены два типологически разных варианта лингвоперсоны авторов мемуаров. Так, первый автор, **Н. В. Иванов**, относится к официально-конкретному объективному нейтрально-описательному типу языковой личности. Он может быть номинирован как **регистратор, фактоцентрист**. Второй автор, **Ф. Г. Дмитриев**, является обобщенно-частным, субъективным оценочно-эмоциональным типом языковой личности, что соотносится, на наш взгляд, с таким наименованием, как **антропоцентрист**, поскольку в его воспоминаниях в центре не столько война, сколько он сам и люди на войне.

Заключение

Таким образом, в завершение исследования мы приходим к следующим выводам. В понятии «языковая личность» для нас прежде всего важны индивидуальные особенности каждого человека, его мировоззрение, которые отражаются в создаваемых им текстах. Это в большой степени определяет специфику именно текстов ЕПР, поскольку они создаются естественным путем без влияния четких канонов и ограничений, налагаемых жанровой спецификой, например официально-деловых и научных текстов или мемуаров как публицистического жанра.

В исследовании разработан алгоритм анализа текстов военных мемуаров, в котором, во-первых, созданы оппозиции текстовых характеристик (официальное/частное; конкретное/обобщенное; описательное/оценочное; эмоциональное/нейтральное; субъективное/объективное), позволяющие проанализировать языковой материал воспоминаний.

Во-вторых, на основе приведенных оппозиций охарактеризована языковая организация текстов: проанализирована их фактологическая составляющая, выявлено преобладание «я»- или «мы»-высказываний, описательно-нейтральной или эмоционально-оценочной лексики, что обуславливает специфику каждой лингвоперсоны.

В-третьих, выделены типы языковых личностей авторов военных мемуаров и предложена их номинация на основании преобладающей интерпретации мира, выраженной в языке. В центре внимания одного автора оказывается объективное описание фактов, для другого автора важным является показать судьбу человека на войне.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в продолжении изучения отдельных языковых личностей на материале естественной письменной речи, что позволит не только обнаружить черты, свойственные той или иной языковой личности, но и, как нам думается, способствует выявлению особенностей мировоззрения человека и созданию модели его мира для последующего изучения жанровой специфики текстов ЕПР. Исследования в данной области продолжаются.

Финансирование | Funding

RU Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-412-420005 «Концептуально-ценностный анализ эпистолярного и мемуарного наследия жителей Кузбасса». Соглашение с АКО № 28/2019 от 16.12.2019 г.

EN This study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-412-420005 “Conceptual and Value Analysis of the Kuzbass Residents’ Epistolary and Memoir Heritage”. Agreement with Administration of Kemerovo region No. 28/2019 dated 12/16/2019.

Источники | References

1. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Калинин: КГУ, 1986а.
2. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин, 1986б.
3. Богин Г. И. Современная лингводидактика. Калинин: КГУ, 1980.
4. Виноградов В. В. Язык как творчество. М.: Просвещение, 1995.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12).
8. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность / под ред. Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1989.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
10. Лебедева Н. Б. Исследование естественной письменной русской речи как направление изучения языка города // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: тр. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 4 июля 2008 г.) / редкол.: Л. А. Араева, М. А. Осадчий; под ред. Л. А. Араевой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008.
11. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011.

12. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.
13. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: МГЛУ, 1996.
14. Сухотерина Т. П., Лебедева Н. Б., Воронова Н. Г., Дмитриева Е. Ф., Панкрашова О. С. Жанры естественной письменной речи: народные мемуары: монография. Барнаул: АлтГПА, 2012.
15. Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность: сб. науч. тр. М.: Наука, 1974.

Информация об авторах | Author information

RU**Лебедева Анастасия Сергеевна¹****Салтымакова Ольга Анатольевна²**, к. филол. н.¹ Кемеровский государственный университет² Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово**EN****Lebedeva Anastasiya Sergeevna¹****Saltymakova Olga Anatolievna²**, PhD¹ Kemerovo State University² Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo¹ lebedeva.as@kemsma.ru, ² saltimakovaoa@kuzstu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.02.2022; опубликовано (published): 29.04.2022.

Ключевые слова (keywords): естественная письменная речь; речевой жанр; народные мемуары; военные мемуары; языковая личность; natural written speech; speech genre; folk memoirs; military memoirs; linguistic personality.